

Ранним июньским утром, солнечным и свежим, капитан второго ранга в отставке Степанов, худоватый старик в светло-сером костюме и в белой бейсболке, неторопливо шёл по улице небольшого сибирского города. Он уехал из него ровно шестьдесят лет назад, и теперь, по приезде, после столь долго отсутствия, безнадежно пытался отыскать в очертаниях новых микрорайонов знакомые с детства приметы. Безжалостное время! Не годы, а десятилетия до неузнаваемости изменили не только внешний вид города, но и самих его жителей. Напрасно Степанов присматривался к прохожим, надеясь разглядеть в них друзей юности, одноклассников. Повстречайся с ними лицом к лицу — пройдёшь мимо, не признав! В памяти виделись они весёлыми юношами и девушками, никак не хотелось верить, что те стали седыми угрюмыми стариками и старухами, из коих некоторых уже нет в живых, как Славки Тихонова, друга моряцкой молодости. Служили на подводной лодке в одном отсеке, и вот нет больше на этом свете надёжного боевого товарища. Они часто переписывались, каждый из них обещал приехать, встретиться, вспомнить друзей-подводников, но всё откладывали на «потом»...

Сын Тихонова по сотовому телефону сообщил печальную новость. Степанов быстро собрался, чтобы проводить сослуживца в «последнее плавание» Из-за неблагоприятных

метеоусловий самолёт вылетел на сутки позже, и на похороны Степанов опоздал. С болью в сердце он возложил цветы и венок к мраморному памятнику друга, ночь провёл в номере гостиницы, где, пытаясь заглушить грусть и тоску, пил коньяк и много курил.

До вечернего вылета в обратный рейс он решил побродить по городу, в котором учился в школе, мечтал о море, о дальних плаваниях. Город, что и говорить, за долгие годы, прожитые Степановым вдали от малой родины, совершенно преобразился, стал намного красивее, оделся в зелёный наряд из высоких стройных елей, сосен и пихт. Откуда только взялись могучие деревья, вознёсшие ввысь островерхие вершины? Раньше-то их здесь не было! Когда успели вырасти? И ещё липы, лиственницы, берёзы, рябины, клёны, тополя, яблони, множество всяких цветов на клумбах и газонах. Город-сад!

Высотные здания жилых домов и супермаркетов. В парках и скверах увеселительные аттракционы. Просторные площади, чистый асфальт дорог, ограждённых витиеватыми решётками, тротуары, выложенные керамической плиткой, обилие киосков и мелких магазинов, украшенных рекламными щитами с подсветкой, автомобили, парковки, светофоры — всё впечатляло, но не радовало Степанова, испытывавшего ностальгию по старому городу. Ему хотелось увидеть хотя бы небольшую его часть, сохранившую следы той, прежней жизни. «Школа! Может, она ещё цела?!» — эта мысль неожиданно встрепенула его, и он, испытывая нетерпение скорее удостовериться в своём предположении, торопливо зашагал, поминутно останавливаясь и соображая, как пройти кратчайшим путём к кинотеатру «Космос», неподалёку от которого, он помнил, была средняя школа номер пять.

Пройдя под аркой между высотками, Степанов неожиданно для себя увидел перед собой кинотеатр. Он узнал его по мозаичному панно на парадной стене, изображавшему ракету, летящую к звёздам. Много цветных кусочков мозаики осыпалось, но в остальном всё было как прежде: большая афиша, грубо намалёванная малярными красками, извещала о демонстрации американского фильма. Длинные

бетонные ступени обветшалого крыльца. Сколько раз он поднимался по ним вместе с одноклассницей Таней Крыловой, входил с ней в эти самые стеклянные двери! Сбежав с уроков, он покупал билеты на задний ряд, где они целовались в темноте зрительного зала. Степанов прошёл через узкую улицу, превратившуюся в аллею из рябин, которых раньше здесь не было, и увидел двухэтажное здание, показавшееся ему низким и обшарпанным, несмотря на пластиковые окна, вставленные вместо деревянных рам. Вот она, его родная школа! Стоит, никуда не делась. В пустом дворе не слышно ребячьих голосов. Подойдя в волнении ближе, он понял причину тишины: у входа по обе его стороны пестрели вывески с названиями различных ООО и прочих фирм.

— И здесь неумолимое время наложило свою печать, — в раздумье глухо проговорил старый моряк.

Он прошёлся по двору, заставленному автомобилями, по пустырю, заваленному стройматериалами, бывшему стадиону, где на уроках физкультуры играл в футбол с другими мальчишками. С чувством глубокого разочарования от встречи с родной школой, с пораненной душой, он отправился на автобусную остановку. На одном из такси машинально прочёл надписи маршрутов: «Есенина, Дом культуры, проспект Горького, универмаг, Светлая». Степанова охватило трепетное волнение. «Её дом на Светлой», — вспомнил он и решительно вскочил в отъезжавшую «Газель».

На Светлой вышел, испытывая прилив радости при виде потемневших от времени кирпичных особняков, обнесённых синими, красными, коричневыми заборами из металлопрофиля. Да, это была та самая улица, с трудом узнаваемая, по которой, утопая кирзовыми сапогами в грязи, он многократно ходил мимо окон дома номер двенадцать в надежде увидеть в них Таню. Сейчас здесь дорога блестела асфальтом. Степанов чуть ли не бегом устремился по ней, отыскивая глазами заветный номер, а когда увидел табличку с цифрами, затоптался на месте в смятении: тот ли это дом?! Перед ним, загораживая фасад, в белой кипени пышных соцветий развесила ветви черёмуха. Утренний воздух, напоённый душистым ароматом, пьянил, кружил голову. В густой листве старого дерева с толстым корявым стволом

копошились пичуги. «Не было здесь этой черёмухи... Это не её дом», — в растерянности подумал Степанов. Полная седая женщина в шлёпанцах на босу ногу, в домашнем жёлтом халате, в цветастом полушалке, наброшенном на округлые плечи, качала под черёмухой детскую коляску с ребёнком. «Спрошу у неё, кто живёт в доме номер двенадцать», — подумал Степанов и сделал шаг в её сторону, но проезжавшая иномарка преградила путь, за ней ехала другая. Пропуская машины, он остановился неподалёку.

Не обращая внимания на старика, с изумлением взиравшего на дом, на черёмуху, старуха, баюкая внука или внучку, тихо запела:

Белая черёмуха душистая
Щедро расцвела в моём краю,
Только не могу никак решиться я,
Не могу открыть любовь свою...
Белый цвет, черёмухи цвет,
Это весны весёлый привет,
Пусть цветёт тому, кто верит и ждёт,
К сердцу всегда любовь дорогу найдёт...

Её бархатный голос, такой памятный, не сравнимый ни с каким другим, не обманул его слух. «Неужели?! Не может быть! Эта дородная бабушка — Таня Крылова?! А черёмуха душистая?! Да ведь это кустик, посаженный мною перед её окнами за день до отъезда на флотскую службу! Так вымахал! Что делать? Подойти? Зачем? Клялся, обещал вернуть... Да где там! Служба, учёба в военно-морском училище, походы в дальнее плавание...»

Степанов чувствовал себя виноватым. Угрызения совести мучили его. «Что скажу? Почему не вернулся в её горячие объятия, не давал о себе знать шестьдесят лет? всю жизнь молчал — и вот нате вам, нарисовался. Не стоит бедить прошлое», — лихорадочно рассуждал ветеран-военмор, боязливо, будто крадучись, отходя от черёмухи, а когда стало не слышно пения, тяжело вздохнул, переводя дух, словно после бега, и быстро зашагал на остановку автобуса, скоро умчавшего его в аэропорт.